

ВЕЛИКІЙ ПИСАТЕЛЬ

ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

(Съ 3-мя портретами).

ДВА ЧТЕНІЯ.

~~~~~

В. А. Баннеръ-Фогтъ.

---

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной  
Коммисіи народныхъ чтеній



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія И В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, 4.  
1908.



Гр. Л. Н. Толстой въ 1857 году.

# Великій писатель земли Русской.

## ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Среди современныхъ русскихъ писателей первое мѣсто занимаетъ Левъ Николаевичъ Толстой. И по таланту и по размаху мощной мысли онъ представляется великаномъ среди остальныхъ художниковъ. Личная жизнь его въ высшей степени интересна и поучительна, какъ неустанное исканіе правды и смысла жизни.

Приступая къ изложенію біографіи Л. Н. Толстого, мы считаемъ нелишнимъ замѣтить, что касательно первой половины его жизни имѣется достаточный и уже обнародованный матеріалъ; для оцѣнки же второго періода его дѣятельности не настало еще время. Поэтому и мы во второй половинѣ нашего очерка не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за личной жизнію великаго писателя, а посвятимъ его преимущественно разбору тѣхъ произведеній, которыя были имъ написаны послѣуженіи бы.

---

Левъ Николаевичъ Толстой родился 28-го августа 1828 г. въ имѣніи «Ясная Поляна» въ Тульской губерніи. Здѣсь онъ провелъ и свои дѣтскіе годы и большую часть своей жизни.

Отецъ Льва Николаевича—графъ Николай Ильичъ Толстой былъ сначала военнымъ и принималъ участіе въ войнахъ съ Наполеономъ. По смерти своего отца онъ вышелъ въ отставку и, женившись на княжнѣ Маріи Николаевнѣ Волконской, переселился въ ея имѣніе, гдѣ выросли и получили первое воспитаніе ихъ дѣти. Матери своей Л. Н. не помнилъ. Она умерла, когда ему было всего 2 года. Но въ своихъ воспоминаніяхъ онъ много говоритъ о ней: она представлялась ему олицетвореніемъ добра, простоты и искренности.

Единственная дочь богатаго и знатнаго вельможи, она получила прекрасное воспитаніе, говорила на пяти языкахъ, отлично играла на рояли. Въ семейной жизни она, благодаря своему благородному характеру, пользовалась всеобщей любовью и уваженіемъ и составила счастье своего мужа, хотя онъ и женился на ней ради ея богатства. Ея воспитаніе и жизнь съ мужемъ прекрасно описаны Толстымъ въ романѣ «Война и Миръ»; въ лицѣ княжны Маріи Николаевны Болконской

и Николая Ростова нетрудно узнать родителей Толстого.

Отецъ Л. Н., по его собственнымъ словамъ, и въ отношеніи просвѣщенія и нравственныхъ достоинствъ, стоялъ нѣсколько ниже своей жены. Тѣмъ не менѣе это былъ образованный для своего времени человѣкъ, честный, гуманный помѣщикъ, оставившій по себѣ лучшую память среди своихъ крестьянъ. Дѣти его, которыхъ онъ самъ горячо любилъ, относились къ нему съ нѣжностью и уваженіемъ; объ этомъ свидѣлствуютъ записки, посвященные Львомъ Николаевичемъ воспоминаніямъ объ отцѣ.

Воспитательницей Льва Николаевича, его братьевъ и сестры была Татьяна Александровна Ергольская. Она была дальней родственницей его отца и воспитывалась въ ихъ домѣ. Въ молодости Татьяна Александровна и Николай Ильичъ любили другъ друга, но она отказалась отъ своего счастья, чтобы дать ему возможность жениться на княжнѣ Волконской.

Послѣ смерти жены Николай Ильичъ вновь просилъ Т. А. выйти за него замужъ, и замѣнить мать его дѣтямъ. Отъ брака съ нимъ она отказалась, но обѣщалась сдѣлать для дѣтей все, что въ ея силахъ. Она свято сдержала свое обѣщаніе и всю свою жизнь по-

святила дѣтямъ любимаго ею человѣка. Левъ Николаевичъ, вспоминая о ней, говорилъ, что она первая научила его находить радость въ любви къ окружающимъ; письма его къ ней дышатъ восторженной нѣжностью. Онъ видѣлъ въ ней идеаль самопожертвованія и любви и увѣковѣчилъ ее въ образѣ Сони («Война и Миръ»).

Левъ Николаевичъ начинаетъ помнить себя очень рано: первыя его воспоминанія относятся къ тому времени, когда его пеленали и мыли въ корытѣ. Эти первыя смутныя впечатлѣнія относятся, очевидно, къ первому году его жизни и описаны имъ съ необычайной живостью. Но эти образы отрывочны и ничѣмъ не связаны. Представленіе о жизни въ Ясной Полянѣ въ видѣ связнаго ряда событій возникаетъ въ его воображеніи съ 4—5 лѣтъ. До этого времени онъ жилъ вмѣстѣ съ сестрой и теткой; теперь же его перевели къ другимъ мальчикамъ, воспитаніемъ которыхъ занимался нѣмецъ гувернеръ Федоръ Ивановичъ Рессель. Въ «Первыхъ воспоминаніяхъ» Толстого есть трогательный рассказъ о томъ, какъ грустно было у него на душѣ, когда переводили его къ «большимъ».

Учитель Федоръ Ивановичъ былъ добрый и простой человѣкъ; въ послѣдствіи Толстой описалъ его въ «Дѣтствѣ», видно, что Л. Н.

любилъ своего воспитателя, но особеннаго вліянія онъ на него имѣть не могъ. Изъ братьевъ Льва Николаевича Дмитрій по лѣтамъ больше всѣхъ подходилъ къ нему. Но, хотя они играли вмѣстѣ, между ними ни въ дѣтствѣ, ни впослѣдствіи не было большой близости. Совсѣмъ иначе относился Л. Н. къ двумъ старшимъ братьямъ—Сергѣю и Николаю. Сергѣемъ онъ восторгался; его плѣняла и его веселость, и способности къ рисованію, и красота, и равнодушіе къ мнѣнію другихъ. Надо замѣтить, что Левъ Николаевичъ уже въ дѣтствѣ былъ болѣзненно самолюбивъ: сознаніе же своей некрасивости и неловкости постоянно мучило его и еще увеличивало чувствительность къ чужимъ сужденіямъ. Левъ Николаевичъ говоритъ, что онъ не только восторгался братомъ Сережей, но изо всѣхъ силъ старался подражать ему. Самое же большее вліяніе на Л. Н. имѣлъ старшій братъ Николенька. Это былъ мальчикъ необычайно одаренный, съ душой чуткой и воспріимчивой ко всему прекрасному, съ сильно развитой дѣятельностью воображенія. Онъ часто рассказывалъ братьямъ фантастическія сказки. Разъ онъ открылъ имъ, что придумалъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди любили другъ друга и жили счастливо, чтобы не было ни болѣз-

ней, ни огорченій. Эту тайну онъ записаль на зеленой палочкѣ, которую закопалъ въ землю. Братья вѣрили ему и восторгались его таинственными сообщеніями. Какъ-то разъ онъ предложилъ имъ провести ихъ на какую то таинственную гору. Для этого нужно было сначала пройти черезъ различныя испытанія, между прочимъ стать въ уголъ и стараться не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Л. Н. въ послѣдствіи припоминаетъ, какія отчаянныя усилія прилагалъ онъ къ тому, чтобы не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Несмотря на дѣтски-шутливый характеръ выдумокъ брата, онѣ имѣли на Л. Н. большое вліяніе, т. к. всѣ мечты Николеньки большей частью сводились къ тому, чтобы всѣмъ было хорошо, и весь міръ былъ бы счастливъ.

Семья Толстыхъ жила въ Ясной Полянѣ довольно одиноко; лишь изрѣдка навѣщали ихъ сосѣди. Отецъ Толстого былъ страстный охотникъ и отъ времени до времени устраивалъ большія охоты. Страсть эта передалась и Льву Николаевичу: изъ его рассказовъ видно, что уже въ дѣтствѣ охота производила на него громадное впечатлѣніе, о томъ же свидѣтельствуютъ мастерски написанныя картины охоты въ романахъ «Война и Миръ» и «Анна

Каренина», а также въ нѣкоторыхъ мелкихъ произведеніяхъ.

Другое яркое и радостное воспоминаніе его дѣтства—это святки, когда съѣзжались къ нимъ ряженые, собиралась вся дворня, а иногда тетушка наряжала ихъ въ различные костюмы и пробкой наводила черные усы, устраивались игры и всеобщее угощеніе. Святки также великолѣпно изображены Толстымъ въ романѣ «Война и Миръ».

Живя въ деревнѣ, Левъ Николаевичъ съ самаго ранняго дѣтства приходилъ въ соприкосновеніе съ простымъ народомъ и научился любить и понимать его. Не говоря уже о врожденномъ чувствѣ справедливости и состраданія ко всѣмъ людямъ, кто-бы они ни были, чувства эти были развиты въ ребенкѣ первымъ воспитаніемъ. Татьяна Александровна, хотя и воспиталась въ понятіяхъ крѣпостничества, отличалась необычайной добротой и мягкостью по отношенію къ своимъ людямъ. Ее въ ужасъ приводила одна мысль о тѣлесныхъ наказаніяхъ, которыя были такъ въ ходу въ то время. По словамъ Толстого, она пользовалась своей властью только для того, чтобы дѣлать добро тѣмъ, кто отъ нея зависѣлъ. Про мать, которую Л. Н. всегда почиталъ и нѣжно любилъ въ своемъ воображеніи, тоже

разсказывали, что она, даже если сердилась на кого нибудь, то запиралась въ своей комнатѣ, но никогда не позволяла себѣ рѣзкаго слова въ отношеніи къ слугамъ. Безъ сомнѣнія, эти первыя впечатлѣнія укрѣпили и развили въ будущемъ великомъ писателѣ чувство гуманности и сознанія равенства людей, которыми дышитъ каждая страница его произведеній.

Когда Льву Николаевичу минуло 7 лѣтъ, семейство Толстыхъ переѣхало на жительство въ Москву, т. к. старшимъ братьямъ Николаю и Сергѣю пришла пора серьезно учиться. Годъ спустя, въ ихъ семьѣ произошло важное событіе. Отецъ уѣхалъ по дѣламъ въ Тулу и тамъ скоропостижно скончался. Смерть эта сильно поразила Л. Н., въ первый разъ ему представился вопросъ о тайнѣ жизни и смерти и наполнилъ душу ребенка благоговѣйнымъ трепетомъ. Но рядомъ съ этимъ чувствомъ уживалось въ немъ дѣтское недоумѣніе передъ случившимся. Онъ не присутствовалъ на похоронахъ отца, и исчезновеніе его представляло собой какую то загадку. Мальчикъ не хотѣлъ вѣрить, что нѣжно-любимаго отца не стало и долго на прогулкѣ озирался, не увидить ли гдѣ либо его. Скоро пришлось ему увидѣть смерть вблизи: скон-

чалась его бабушка. Она жила съ ними въ одномъ домѣ, и дѣтей водили прощаться съ ней. Со страхомъ цѣловалъ мальчикъ руку умирающей и потомъ, когда внезапно, среди игры узнать о ея смерти, этотъ страхъ вновь сжалъ его сердце. Но приготовленія къ похоронамъ, вся внѣшняя сторона событія, сильно занимали мальчика: ему было очень интересно, что тетки плакали, что всѣ ихъ жалѣли—и эти наблюденія мѣшали ему сосредоточиться. Опекуншей дѣтей стала старшая сестра ихъ отца, графиня Александра Ильинична Остенъ-Сакенъ; она осталась въ Москвѣ со старшими мальчиками, а Татьяна Александровна переѣхала съ младшими — Дмитріемъ, Львомъ и Маріей—въ Ясную Поляну, чтобы сократить расходы, т. к. дѣла Толстыхъ въ то время были не въ блестящемъ состояніи. На лѣто и старшіе пріѣзжали изъ города и проводили каникулы вмѣстѣ. Такъ прожили они 2 года. Но въ 1840 г. умерла гр. Остенъ-Сакенъ, и опека надъ дѣтьми перешла къ младшей теткѣ Пелагеѣ Ильиничнѣ Юшковой, бывшей замужемъ за важнымъ и богатымъ казанскимъ помѣщикомъ. Она рѣшила взять всѣхъ дѣтей къ себѣ въ домъ и пріѣхала за ними въ Ясную Поляну. Тяжелѣе всего было дѣтямъ то, что

имъ приходилось разставаться съ любимой теткой. Юшкова ненавидѣла Татьяну Александровну за то, что мужъ ея въ молодости былъ страстно увлеченъ ею и даже сдѣлалъ предложеніе. Конечно, Т. А. нельзя было поселиться въ ея домѣ, и она должна была уступить своихъ дѣтей, на которыхъ положила столько труда и столько любви, чужой, равнодушной женщинѣ. Т. А. переѣхала къ своей замужней сестрѣ и старалась какъ можно чаще навѣщать своихъ воспитанниковъ.

Всѣ, знавшіе Льва Николаевича въ этотъ періодъ его жизни, свидѣтельствуютъ о томъ, что это былъ необычайно странный и оригинальный ребенокъ. Ему приходили иногда въ голову самыя удивительныя вещи; такъ, ему казалось страшно заманчивымъ—научиться летать; онъ думалъ, что если крѣпко обнять колѣни руками, то сейчасъ же и полетитъ. И вотъ однажды, въ то время, когда другіе обѣдали, онъ произвелъ подобный опытъ, причемъ свалился со 2-го этажа и лишился сознанія. Къ счастью онъ отдѣлался лишь легкимъ сотрясеніемъ. Переходъ отъ дѣтства къ отрочеству выразился для Л. Н. возникновеніемъ столь же оригинальныхъ чувствъ и мыслей. Такъ онъ одно время буквально влюбился въ другого мальчика и бредилъ имъ, хотя тотъ предпочиталъ ему

старшихъ братьевъ. Приблизительно въ то же время случилось ему изъ ревности столкнуть съ балкона девятилѣтнюю дѣвочку (свою будущую тещу), которая долго послѣ этого хромала. Уже и въ эту пору въ Толстомъ видны были зачатки двухъ характеризующихъ его чертъ: большого самолюбія и столь же большой застѣнчивости. Къ той же порѣ относятся зачатки невѣрія, возникшаго при видѣ противорѣчія жизни и вѣры другихъ людей, и разросшагося подѣ вліяніемъ философскаго чтенія.

Онъ былъ совершенно одинокъ со своими сомнѣніями и страстными порывами къ правдѣ. Жизнь его въ домѣ тетки сложилась такъ, что онъ былъ совершенно предоставленъ себѣ самому. Юшкова добрая, но пустая женщина не была въ состояніи руководить геніальнымъ ребенкомъ. Общество, въ которомъ вращался Л. Н. и его братья было тоже пустое, и ничего въ обстановкѣ не отвѣчало по его запросамъ.

16-ти лѣтъ Л. Н. поступаетъ въ Казанскій университетъ. До этого возраста онъ получилъ домашнее образованіе подѣ руководствомъ гувернеровъ и учителей и учился неважно. Университетъ этотъ въ то время находился не въ блестящемъ состояніи: уровень профессоровъ былъ невысокъ, при этомъ многіе даже не владѣли рус-

скимъ языкомъ. Чтеніе лекцій, которое велось плоховато, не могло заинтересовать Толстого; онъ совершенно не занимался и уже на первыхъ репетиціяхъ сталъ получать плохія отмѣтки. Свѣтская жизнь всецѣло захватила его съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ выѣзжать. Благодаря своему знатному происхожденію и богатству, братья Толстые считались блестящими представителями Казанской аристократіи. Ихъ всюду приглашали, всѣ двери были для нихъ открыты, и Л. Н. не пропускалъ ни одного бала, ни одного маскарада или спектакля. Кончилось тѣмъ, что весной онъ провалился на экзаменахъ и, не желая оставаться на второй годъ, перешелъ съ восточнаго факультета на юридическій.

Не бросая своего разсѣяннаго образа жизни, Л. Н. сталъ заниматься значительно лучше и слѣдующей весной благополучно перешелъ на второй курсъ. Живой интересъ къ занятіямъ, разбудилъ въ немъ одинъ изъ профессоровъ. Съ увлеченіемъ Л. Н. принялся за предложенную ему работу: сравнить «Наказъ» Екатерины II съ сочиненіемъ Монтескье <sup>1)</sup> «Духъ законовъ». Работа эта натолкнула его на многіе интересные вопросы, и онъ такъ занялся ихъ разработкой, что совершенно забылъ о

<sup>1)</sup> Французскій писатель XVIII вѣка.

текущихъ занятіяхъ. На переходномъ экзаменѣ онъ вновь провалился и на этотъ разъ рѣшилъ выйти изъ университета и не продолжать занятій, а поселиться въ Ясной Полянѣ и вполне отдаться заботамъ о своихъ крестьянахъ, что ему въ то время представлялось самой возвышенной и благородной дѣятельностью. Такъ какъ Л. Н. былъ уже совершенно самостоятеленъ, то онъ, не медля ни минуты, привелъ свое намѣреніе въ исполненіе.

Передъ отъѣздомъ въ Ясную Поляну Толстой составилъ себѣ планъ дѣйствій: кромѣ заботъ о крестьянахъ, онъ поставилъ себѣ цѣлью пополнить свое образованіе и вести жизнь правильную и разумную, которая могла бы ему усовершенствоваться въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Вѣра въ необходимость совершенствованія была и въ это время сильно въ немъ развита: несмотря на свой страстный, увлекающійся характеръ, онъ вновь и вновь старался начать жизнь, соответствующую его возвышеннымъ идеаламъ.

Однако, на этотъ разъ добрыя намѣренія Льва Николаевича ничѣмъ не кончились. Въ рассказѣ «Утро помѣщика» Толстой изобразилъ себя въ лицѣ молодого Нехлюдова, который тоже поселился въ деревнѣ, мечтая облагодѣтельствовать своихъ крестьянъ. Всѣ его уси-

лія не приводять ни къ какому результату, такъ какъ пропасть между помѣщикомъ и крестьяниномъ слишкомъ велика. Вѣковой гнетъ крѣпостного права пріучилъ крестьянъ съ недоувѣріемъ относиться къ своимъ господамъ. Крестьяне не одобряють хозяйственныхъ нововведеній Нехлюдова, которыя имъ кажутся пустымъ баловствомъ, и даже въ богатыхъ, разумныхъ хозяевахъ, какъ старикъ Дутловъ, онъ не встрѣчаетъ поддержки. Посѣщеніе помѣщикомъ различныхъ крестьянъ — это личный опытъ Толстого, и описанъ онъ съ поразительнымъ безпристрастіемъ, безъ всякаго озлобленія и горечи за личную неудачу. Но написанъ этотъ рассказъ гораздо позже, когда Толстому стало вполнѣ ясно, что, пока существуетъ крѣпостное право, не можетъ быть сближенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ; тогда-же ему было очень больно и тяжело. Видя, что дѣло не подвигается, 19-лѣтній помѣщикъ махнулъ на все рукой и осенью уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ рѣшилъ снова заниматься. Петербургъ въ первый пріѣздъ очень понравился Толстому своимъ оживленіемъ. Несмотря на то, что Л. Н. здѣсь опять попалъ въ свѣтское общество, онъ хорошо сдалъ при университетѣ два экзамена. Но настала весна, его потянуло въ деревню, гдѣ ему было такъ спо-

койно и хорошо съ Татьяной Александров-  
ной. Онъ бросилъ экзамены и уѣхалъ, приведя  
братьевъ въ окончательное отчаяніе своей не-  
способностью довести образование до конца.  
Л. Н. привезъ изъ Петербурга нѣмца музы-  
канта, талантливаго, но спившагося человѣка,  
котораго онъ думалъ спасти, увезя изъ города.  
Онъ много игралъ съ нимъ и пристрастился къ  
музыкѣ.

Три года Толстой жилъ то въ Москвѣ, то  
въ Ясной Полянѣ, то предавался самой бур-  
ной жизни и игрѣ въ карты, то мучился угры-  
зеніями совѣсти и тоской по одинокой жизни.  
Иногда на него находили періоды аскетизма <sup>1)</sup>:  
онъ молился, размышлялъ, велъ строгій и воз-  
держный образъ жизни.

Недовольство Толстого самимъ собой было  
настолько велико, что онъ радъ былъ любому  
случаю вырваться изъ этой жизни. Случай этотъ  
представился. Весной 1851 г. пріѣхалъ въ от-  
пускъ его старшій братъ Николай Николае-  
вичъ, служившій на Кавказѣ, гдѣ въ то время  
шла медленная, упорная война противъ гор-  
цевъ. Онъ уговаривалъ Л. Н. ѣхать съ нимъ  
на Кавказъ. Сначала новая обстановка не  
понравилась ему: общество офицеровъ было

---

<sup>1)</sup> Аскегомъ называется человѣкъ, умерщвляющій плоть  
подвижникъ.

необразованное и грубое, жизнь походная, суровая, лишенная всякихъ удовольствій. Но вскорѣ величественная природа заставила его полюбить новую жизнь. Общество брата благотворно дѣйствовало на него и онъ съумѣлъ увидѣть подъ грубой наружностью товарищей честность, простоту, вѣрность долгу и много истиннаго мужества. Не имѣя опредѣленныхъ занятій, Толстой часто ходилъ на охоту съ казакомъ Екимкой, знакомился съ простыми казаками— и все болѣе и болѣе поддавался обаянію простой, естественной жизни на лонѣ природы, среди людей такихъ же непосредственныхъ и не вкусившихъ цивилизаціи. Часто Л. Н. принималъ участіе въ набѣгахъ противъ горцевъ и не разъ подвергался серьезной опасности. Когда, черезъ нѣкоторое время, онъ и самъ поступилъ на военную службу, ему не разъ приходилось командовать и выказывать свою храбрость. Разъ онъ чуть не попался въ плѣнъ, не желая покидать въ бѣдѣ товарища, лошадь котораго отстала; въ другой разъ въ двухъ шагахъ отъ него лопнула граната. Несмотря на то, что Толстому очень хотѣлось получить Георгіевскій крестъ и онъ былъ представленъ къ наградѣ, онъ отказался отъ нея въ пользу стараго, заслуженнаго солдата.

Толстой и впослѣдствіи съ удовольствіемъ

вспоминалъ годы, проведенные имъ на Кавказѣ. Вся его переписка того времени свидѣтельствуешь объ этомъ. Письма его большей частью адресованы тетускѣ Татьянѣ Ал.; онъ подробно описываетъ ей и свои похождения, и свои мысли, и настроенія, и мечты, и планы на будущее. Отъ всѣхъ этихъ признаній вѣетъ бодростью, молодостью и силой и тѣмъ стремленіемъ къ самосовершенствованію, которое всегда было въ немъ живо. Только изрѣдка, каясь въ какомъ-либо проступкѣ, напр. новомъ проигрышѣ, онъ просить у нея прощенія за всѣ огорченія, которыя ей доставилъ и постоянно пересыпаетъ свои рассказы увѣреніями въ самой нѣжной и пламенной привязанности. Изъ этихъ писемъ видно, что онъ всегда смотрѣлъ на службу, какъ на нѣчто временное, а лучшей мечтой его оставалась жизнь въ Ясной Полянѣ съ Т. А., съ будущей женой и дѣтьми.

Насколько радостно для него, настолько же важно было его пребываніе на Кавказѣ для русской литературы. Въ 1852 г. Льву Николаевичу пришлось прожить нѣкоторое время въ Тифлисѣ; онъ заболѣлъ и принужденъ былъ сидѣть дома. Въ это время принялся онъ за свою первую повѣсть «Дѣтство» и закончивъ ее въ 1852 г. отослалъ Некрасову <sup>1)</sup>, ко-

<sup>1)</sup> Извѣстный писатель: «пѣвецъ народнаго горя».

торый тогда редактировалъ извѣстный журналъ «Современникъ». Съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта молодой авторъ; наконецъ, отвѣтъ пришелъ и къ тому же особенно благопріятный. Некрасовъ безусловно одобрялъ произведеніе, обѣщая напечатать его, говорилъ, что убѣжденъ въ большомъ дарованіи Толстого.

Въ сентябрьской книжкѣ «Современника» появилась и разошлась по Россіи повѣсть того, кому суждено было стать величайшимъ русскимъ писателемъ. Она была скромно подписана буквами Л. Н. Т.—но Достоевскій <sup>1)</sup>, въ Сибири получившій книжку «Современника», немедленно написалъ въ Россію, прося сообщить, кто этотъ таинственный Л. Н. Т., поразившій его блескомъ и глубиной своего дарованія.

На Кавказѣ же написано и продолженіе «Дѣтства»—«Отрочество».

Очень долго читающая публика воображала, что это настоящія воспоминанія самого Толстого и только въ послѣдніе годы, когда появились подробныя описанія его жизни,—всѣ убѣдились, что все рассказанное въ повѣсти—художественный вымыселъ.

Трехлѣтняя жизнь на Кавказѣ стала уже утомлять Толстого своимъ однообразіемъ и онъ подумывалъ выйти въ отставку. Но въ это

<sup>1)</sup> Тоже извѣстный писатель.

время началась война съ турками, и онъ былъ переведенъ въ армію, дѣйствовавшую на Дунаѣ. Штабная жизнь и вялый, нерѣшительный ходъ военныхъ событій тяготили Толстого. Рвавшагося туда, гдѣ начиналась страшная кровавая борьба—въ Севастополь, и онъ добился перевода въ крымскую армію. Приѣхавъ туда, онъ сразу вступилъ въ ряды защитниковъ Севастополя и былъ назначенъ на 4-й бастионъ, одно изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ. Левъ Николаевичъ въ эту пору находился въ приподнятомъ настроеніи духа, о чемъ свидѣтельствуетъ вся его переписка: чувство патриотизма захватило его, и онъ всей душой принялся за общее дѣло, не допуская мысли, чтобы Севастополь былъ взятъ. Показанія его товарищей, офицеровъ, единогласно говорятъ о его большой храбрости, заботѣ о солдатахъ и о прекрасныхъ товарищескихъ отношеніяхъ къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ раздѣлялъ ежеминутную опасность. Онъ былъ душой батареи, и своей веселостью и занимательными рассказами поддерживалъ всеобщее бодрое настроеніе. Вмѣстѣ со своимъ другомъ Столыпинымъ Л. Н. задумалъ издавать солдатскій листокъ, которымъ они намѣревались поддерживать геройскій духъ солдатъ и давать имъ простой, понятный отчетъ объ общемъ ходѣ событій. Онъ уже добылъ

деньги, нужныя для изданія: первый № въ рукописи былъ отосланъ императору Николаю I, но, очевидно, лица, которымъ появленіе листка было не съ руки, успѣли повліять на государя, и онъ не разрѣшилъ издавать его. Отказъ этотъ сильно огорчилъ Толстого и его компанію. Тогда онъ сталъ посылать статьи своихъ товарищей Некрасову для напечатанія въ «Современникѣ». Въ этомъ же журналѣ появились и его записки: «Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ 1854 г.», «Севастополь въ маѣ 1855 г.» и «Севастополь въ августѣ 1855 г.»; въ нихъ въ видѣ отдѣльныхъ описаній и картинъ изъ быта севастопольцевъ передается постепенное теченіе осады. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ героевъ, которые въ обыкновенной жизни оказываются самыми обыкновенными людьми со всѣми мелкими недостатками, тщеславіемъ и соперничествомъ; но «завтра, нынѣ-же, можетъ быть, каждый изъ этихъ людей весело и гордо пойдетъ навстрѣчу смерти и умереть твердо и спокойно... На днѣ души каждаго лежитъ та благородная искра, которая сдѣлаетъ изъ него героя; но искра эта устаетъ горѣть ярко — придетъ роковая минута, она вспыхнетъ ярко и освѣтитъ великія дѣла».

Только въ третьей части записокъ является милый поэтическій образъ Володи Козельцова,

мальчика офицера, пріѣхавшаго прямо изъ корпуса за день до паденія Севастополя. Какимъ одинокимъ чувствуетъ себя бѣдный мальчикъ въ чужой средѣ, какимъ холоднымъ ужасомъ сжимается его сердце при видѣ смерти и страданій,—какъ горячо онъ молится, чтобы Богъ помогъ ему выйти изъ испытанія—и какъ просто и твердо умираетъ онъ со своими солдатами.

Самъ авторъ такъ заключаетъ свои рассказы «Герой же моей повѣсти, котораго я любилъ всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда».

И правда эта утѣшительная для нашего народнаго чувства, что ясно сознавалъ Толстой, описывая тѣ великія событія, которыя самъ пережилъ и перестрадалъ. «Главное, отрадное убѣжденіе, которое мы вынесли, это—убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа... Изъ за креста, изъ за названія, изъ за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но ле-

жащее въ глубинѣ души каждаго, — любовь къ родинѣ».

Севастопольскія записки произвели на русское общество громадное впечатлѣніе, несмотря на то, что вторая часть была сильно урѣзана и исковеркана цензурой и въ цѣльномъ своемъ видѣ стала извѣстна только литературному кружку «Современника». Императоръ Александръ II обратилъ вниманіе на молодого офицера и велѣлъ начальству беречь его жизнь и перевести съ 4-го бастіона въ менѣе опасное мѣсто. Тѣмъ не менѣе Толстой до конца принималъ участіе въ оборонѣ. Но, несмотря на свою выдающуюся храбрость, Л. Н. окончательно погубилъ свою карьеру, принявши участіе въ сочиненіи извѣстной Севастопольской пѣсни, въ которой осмѣивалось высшее начальство.

Послѣ паденія Севастополя Толстой былъ отправленъ курьеромъ въ Петербургъ и оставленъ здѣсь до окончанія войны. Остановившись у Тургенева, Толстой былъ принятъ, какъ свой человѣкъ, въ кружкѣ, «Современника». Этотъ журналъ былъ въ лучшей порѣ своего развитія. Редакторомъ былъ Некрасовъ и Панаевъ, а участіе въ журналѣ принимали всѣ выдающіяся литературныя силы того времени: Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Гри-

горовичъ, Дружининъ, Сологубъ и нѣкоторые другіе. Толстой, несмотря на свои 26 лѣтъ, былъ уже такъ извѣстенъ, что къ нему сразу же отнеслись, какъ къ равному. Но хотя онъ и часто посѣщалъ общество писателей и перзнакомился со всѣми, онъ болѣе близко сошелся только съ однимъ Дружининымъ. Съ другими же членами кружка онъ сталъ въ непріязненныя отношенія. Всѣ, знавшіе Толстого въ этотъ его пріѣздъ въ Петербургъ, единогласно утверждаютъ, что съ нимъ было очень трудно ладить. Онъ отличался рѣзкостью, нетерпимостью, подозрительностью и заносчивостью. Предметомъ своихъ преслѣдованій онъ избралъ Тургенева. Тургеневъ, давно пользовавшійся репутаціей европейски-знаменитаго писателя, съ необычайной скромностью уже тогда открыто ставилъ Льва Николаевича выше себя, Толстой заочно желалъ сблизиться съ Тургеневымъ, но почти каждое свиданіе приводило къ спорамъ, часто переходившимъ, благодаря запальчивости Л. Н. въ непріятныя рѣзкія сцены. Толстому была чужда и непонятна спокойная, мягкая натура Тургенева, а беспощадныя и злыя насмѣшки Толстого больно задѣвали Тургенева.

Въ эту зиму въ семьѣ Толстыхъ случилось печальное событіе: умеръ братъ Дмитрій.

Изъ воспоминаній Л. Н. видно, что это былъ человѣкъ не отъ міра сего. Поражая всѣхъ независимостью своихъ сужденій, онъ велъ и жизнь совсѣмъ необычайную. Еще совсѣмъ молодымъ студентомъ онъ выказывалъ глубокую религіозность: не пропускалъ ни одной службы, соблюдалъ посты; былъ не только воздержанъ, но жилъ, какъ аскетъ; чуждался женщинъ, не пилъ, не курилъ, одѣвался не только просто, но бѣдно, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на насмѣшки братьевъ и товарищей. Чувства жалости и состраданія были сильно развиты въ немъ: въ тюремной церкви онъ постоянно передавалъ свѣчки колодникамъ, что было строго запрещено и въ домашней жизни подарилъ своей дружкой несчастную больную дѣвушку, отъ которой другіе сторонились съ отвращеніемъ. Потерпѣвъ неудачу на службѣ, гдѣ онъ мечталъ приносить пользу, онъ посвятилъ себя заботамъ о своихъ крестьянахъ. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти онъ вдругъ закутилъ и запилъ; но и въ этой жизни онъ сохранилъ прежній свой нравственный обликъ: такъ онъ выкупилъ и взялъ къ себѣ одну погибшую женщину, Машу, которую хотѣлъ спасти. Она и ухаживала за нимъ во время его болѣзни. Л. Н. посѣтилъ брата не задолго до смерти,

но умеръ онъ въ его отсутствіе. Впослѣдствіи Л. Н. горько упрекалъ себя въ томъ, что такъ равнодушно отнесся къ смерти брата, хотя признавался, что тотъ до конца оставался для него чуднымъ, но непонятнымъ человѣкомъ, и что ихъ связывали лишь воспоминанія дѣтства. Въ романѣ «Анна Каренина» образъ Николая Левина безъ всякаго сомнѣнія является списаннымъ съ Дмитрія Толстого.

Лѣто 1856 г. Толстой провелъ въ Ясной Полянѣ, помышляя о поѣздкѣ за границу; но къ осени ему пришлось тяжело болѣть и, поправившись, онъ вернулся въ Петербургъ и принялся за старую жизнь. Хотя онъ и принималъ участіе во всѣхъ литературныхъ дѣлахъ своего общества, жизнь въ Петербургѣ всего менѣе удовлетворяла его. Ему все тяжелѣе становилось среди людей, съ которыми онъ имѣлъ мало общаго, кого онъ не любилъ. Онъ осуждалъ въ нихъ то, что жизнь ихъ отнюдь не соотвѣтствовала высокимъ идеаламъ, которые они проповѣдывали и что они, нисколько не тревожась этимъ, все таки считали себя передовыми людьми, учителями, пророками. Совѣсть же Л. Н. никогда не была покойна въ этомъ отношеніи, и онъ постоянно стремился соединить въ одно жизнь человѣка и его взгляды.

Въ началѣ 1857 г. Толстой уѣхалъ за границу. Приѣхавъ въ Парижъ, онъ встрѣтился съ Тургеневымъ и съ жаромъ принялся знакомиться съ замѣчательнымъ городомъ, въ которомъ сосредоточено все, что выработано европейской образованностью, ея наукой и искусствомъ. Все это живо интересовало Л. Н. Весной онъ поѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ пораженъ былъ величественной красотой природы. Онъ радостно наслаждался ею, предпринималъ большія прогулки пѣшкомъ, лазилъ по горамъ и чувствовалъ себя превосходно, о чемъ свидѣтельствуеъ его письма къ Т. А. Общій тонъ ихъ радостный и поэтичный: на лонѣ природы пробуждались вновь всѣ стремленія его молодости, сожалѣнія о прошедшемъ и крылатыя мечты о свѣтломъ будущемъ...

Въ Швейцаріи былъ написанъ рассказъ: «Изъ записокъ князя Д. Нехлюдова. Люцернъ». Основная мысль этого рассказа безсердечіе и жестокость людей, считающихъ себя образованными, гордящихся тѣмъ, что въ ихъ странѣ царитъ всеобщее равенство.

Передъ дорогой гостинницей, занятой богатыми путешественниками, поетъ бѣдный странствующій пѣвецъ. Наивная прелесть и поэзія его пѣсни очаровываетъ толпу, тѣснымъ кольцомъ окружающую музыканта и столпив-

шуюся на балконѣ и у открытыхъ оконъ. Долго поетъ онъ, долго, не шевелясь, слушаютъ его; но когда онъ просигъ дать ему за его труды, никто не двигается съ мѣста. Три раза повторяетъ онъ скромную просьбу и пристыженный и униженный отправляется дальше. Страстное негодование подымается въ душѣ Нехлюдова: онъ догоняетъ пѣвца, приводитъ его въ отель, сажаетъ съ собой, предлагаетъ ему вина и долго бесѣдуетъ съ нимъ къ ужасу чопорныхъ гостей—англичанъ.

Князь Нехлюдовъ, очевидно, никто иной, какъ самъ Л. Н. Толстой.

Изъ Швейцаріи Толстой вернулся въ Парижъ и продолжалъ ознакомленіе съ французской жизнью. Здѣсь онъ присутствовалъ при смертной казни, и съ этой минуты въ немъ прочно и навсегда утвердилась ненависть къ этому роду возмездія. Посѣтивъ затѣмъ Германію, Л. Н. вернулся въ Россію и поселился въ Москвѣ съ семействомъ своей сестры. Литературныя занятія составляли его главный интересъ; кромѣ того, онъ сильно увлекался музыкой. Свѣтская жизнь также шла своимъ чередомъ, а кромѣ того Левъ Николаевичъ, обладавшій большой физической силой, страстился къ гимнастикѣ. Онъ продолжалъ эти занятія и лѣтомъ, и Ясно-Полянскій

староста, приходя къ барину за приказаніями, не разъ заставлялъ его висящимъ внизъ головой, что, конечно, возбуждало немалое изумленіе мужиковъ.

Здѣсь посѣщали Толстого его близкіе друзья А. А. Фетъ съ женой; Татьяна Александровна постоянно раздѣляла деревенское уединеніе своего племянника, и Толстой съ наслажденіемъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ о мирныхъ вечерахъ, проведенныхъ съ нею, о томъ хорошемъ вліяніи, которое имѣли на него бесѣды съ этой замѣчательной женщиной.

Около этого времени Л. Н. начинаетъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Осенью 1858 г. состоялось въ Тулѣ дворянское собраніе, созванное для обсужденія крестьянскихъ нуждъ. Собраніе это вручило предводителю свое рѣшеніе, въ которомъ заявляется, что оно считаетъ нужнымъ освободить крестьянъ съ землей. Среди 105 подписей подъ этимъ заявленіемъ встрѣчается подпись Л. Н. Толстого. Вскорѣ жизнь Л. Н. подверглась большой опасности. Будучи страстнымъ охотникомъ, онъ съ компаніей пріятелей отправился въ Тверскую губ. на медвѣжью охоту. Громадная медвѣдица выбѣжала прямо на него; выстрѣливъ изъ одного ружья, онъ не успѣлъ схватить другое, какъ медвѣ-

дица навалилась на него, и, если бы не подоспѣвшій охотникъ, Льву Николаевичу не миновать бы ужасной гибели: къ счастью онъ отдѣлался шрамомъ на лицѣ. Что онъ ощущалъ, лежа подъ звѣремъ, онъ описалъ въ рассказѣ «Охота пуще неволи», помѣщенномъ въ одной изъ его книжекъ для чтенія.

Въ 1859 г. появился въ печати новый прекрасный рассказъ «Три смерти». Сопоставляя смерть богатой молодой женщины, простого ямщика и дерева, срубленного въ лѣсу, поэтъ приходитъ къ заключенію что смерть не представляетъ собой ничего страшнаго и темнаго въ природѣ, но чѣмъ дальше отъ нея человѣкъ, тѣмъ болѣе страхъ покидающаго жизнь. Богатая и красивая женщина, умирающая въ чахотки, такъ боится смерти, что никто изъ окружающихъ не смѣетъ разговаривать объ этомъ: она терзается сама и мучаетъ близкихъ ей людей. Дядя Федоръ, или Хведоръ, какъ его называютъ ямщики, просто и спокойно расстаётся съ жизнью, и такъ-же спокойно относятся къ этому и кухарка и парень Серега, просящій уступить ему сапоги, которые ему все-равно не пригодятся. А дерево, срубленное на крестъ этому самому Федору, безмолвно падаетъ наземь, и окружающія деревья еще радостнѣе шелестятъ своими лѣтвями...

«Три смерти» не произвели на читающую публику того впечатлѣнія, котораго можно было-бы ожидать. Объясняется это равнодушіе очень понятно: въ то время, предшествовавшее эпохѣ великихъ преобразованій, литература была занята исключительно злободневными вопросами: Толстой же никогда не поддавался вѣяніямъ времени и всегда слѣдовалъ лишь своему вдохновенію. Однако, онъ самъ признавался, что уменьшеніе популярности было ему очень непріятно.

Лично занимаясь хозяйствомъ, Л. Н. приходилъ въ соприкосновеніе съ народомъ, жизнь и міросозерцаніе которыхъ всегда сильно занимали великаго писателя. Теперь же онъ особенно увлекся сближеніемъ съ дѣтьми и сталъ задумываться надъ вопросами народнаго образованія. Хорошихъ школъ тогда совсѣмъ не было, и Толстой рѣшилъ ѣхать за границу, присмотрѣться къ постановкѣ дѣла въ чужихъ краяхъ. Это рѣшеніе ускорило еще одно обстоятельство: болѣзнь брата его Николая Николаевича, поѣхавшаго лѣчиться въ Германію, гдѣ братья надѣялись встрѣтиться. Левъ Николаевичъ сначала отправился въ Берлинъ, гдѣ посѣщалъ лекціи и вечерніе курсы для рабочихъ. Тамъ онъ побывалъ еще въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ свелъ знакомство съ

нѣкоторыми нѣмецкими учеными, а также писателемъ Ауербахомъ, народные рассказы котораго приводили Толстого въ восхищеніе. Въ противность первому путешествію, Л. Н. теперь изучалъ все очень основательно, много читалъ и бесѣдовалъ со знающими людьми. Но вскорѣ эта занятая жизнь была прервана ухудшеніемъ здоровья Н. Н. Толстого. Онъ переѣхалъ въ южную Францію, Л. Н. и его сестры были при немъ и ухаживали за нимъ: злая чахотка быстро подтачивала силы, надежды не было никакой. Много перестрадалъ душой Л. Н. у постели любимаго брата; и дѣйствительно, потеря эта была для него очень тяжка. Въ его запискахъ, и въ воспоминаніяхъ Фета, Тургенева и др. Н. Н. Толстой является неизмѣнно свѣтлымъ и привлекательнымъ. Всѣ, знавшіе Н. Н. не только любили, но просто боготворили его. Одаренный проницательнымъ, живымъ умомъ и тонкимъ юморомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ такъ добродушенъ, что шутки его никогда не оскорбляли, а, наоборотъ, поддерживали общее настроеніе. Онъ провелъ большую часть своей жизни на Кавказѣ, въ обществѣ неразвитомъ, безъ всякаго образованія, — но со всѣми онъ умѣлъ завязать наилучшія отношенія, найти точку соприкосновенія, и всѣ любили его. Не-

смотря на все это, онъ умѣлъ всегда оставаться независимымъ и, по свидѣтельству Л. Н. былъ совершенно равнодушенъ къ общественному мнѣнію.

Между собой братья были связаны нѣжной дружбой: Николай видимо гордился младшимъ братомъ, хотя и подтрунивалъ надъ его слабостями, свѣтскостью, увлеченіемъ гимнастикой и т. п. Левъ же Николаевичъ души не чаялъ въ братѣ. Болѣзнь его и смерть была тяжкимъ ударомъ для Л. Н. Письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ Татьяну Александровну о смерти брата дышитъ глубокимъ, сдержаннымъ горемъ; тѣмъ же чувствомъ проникнуты всѣ воспоминанія объ этой кончинѣ.

Похоронивъ брата, Л. Н. провелъ нѣкоторое время съ семьей сестры, дѣтьми которой онъ много занимался, и, тщательно ознакомившись съ французскими школами, посѣтилъ Англію, гдѣ видѣлся съ А. И. Герценомъ. Къ сожалѣнію, такъ и осталось неизвѣстнымъ, о чемъ они бесѣдовали.

Въ это время былъ обнародованъ манифестъ 19-го Февраля; вмѣстѣ съ тѣмъ Толстой узналъ о своемъ назначеніи на должность мирового посредника. Онъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ Лондона и направился въ Россію черезъ Бельгію, идѣ написалъ рассказъ «По-

ликушка». Разсказъ этотъ занимаетъ видное мѣсто среди произведеній русской литературы, которыя посвящены изображенію самой темной стороны русской жизни первой половины XIX в.,—крѣпостному праву.

Содержаніе разсказа слѣдующее. Среди многочисленной дворни одной барыни живетъ коновальъ Поликей или «Поликушка», какъ его называютъ. Онъ пользуется дурной славой человека, который не любитъ, чтобы что-нибудь плохо лежало. Барыня старается правоученіями обратить его на путь истины и убѣждена, что способствуетъ его исправленію. Желая сдѣлать наперекоръ своему приказчику, который не довѣряетъ Поликушкѣ, чувствительная барыня посылаетъ его за получкой большой суммы денегъ. Поликей, очень польщенный подобнымъ довѣріемъ, рѣшаетъ доставить деньги и клянется своей женѣ, что въ ротъ не возьметъ вина. Дѣйствительно, онъ преодолеваетъ всѣ искушенія и возвращается уже домой, когда вдругъ замѣчаетъ, что пакетъ съ деньгами выпалъ изъ шапки, куда онъ его засунулъ. Поликей приходитъ въ отчаяніе, ищетъ всюду по дорогѣ, но денегъ нѣтъ какъ нѣтъ. Сознывая, что никто не повѣритъ, что онъ не кралъ денегъ, онъ возвращается домой и, взявъ веревку отъ люльки ребенка, вѣшается на чердакѣ. Жена

его, узнавъ объ этомъ, роняетъ ребенка, котораго моетъ въ корытѣ, и онъ захлебывается; сама же она сходитъ съ ума.

Рядомъ съ этой картиной авторъ даетъ другую: потерянные деньги найдены, но барыня не хочетъ о нихъ и слышать и отдаетъ нашедшему ихъ мужику. Онъ выкупаетъ своего племянника, только что взятаго въ солдаты, къ большой радости парня и его молодой жены. Полная жизни прекрасная картина эти изъ народнаго быта проходятъ передъ глазами читателя, но красной нитью тянется черезъ нихъ мысль, какъ неразумно и безнравственно, чтобы радость и горе одного человѣка зависѣло отъ произвола или даже простого каприза другого.

Когда Толстой вернулся въ Россію, ему пришлось на дѣлѣ показать ту любовь къ народу, о которой онъ говоритъ въ своихъ произведеніяхъ. Занявъ должность мирового посредника, онъ весь отдался защитѣ народныхъ интересовъ. Нечего и говорить, что нѣкоторые помѣщики были крайне недовольны освобожденіемъ крестьянъ. Цѣлая группа помѣщиковъ Тульской губ., зная справедливость и человѣчность, съ которыми Толстой всегда относился къ собственнымъ крѣпостнымъ, воспротивилась было его назначенію. Но, несмотря на всѣ ихъ происки, изъ министерства послѣдовало подтвержденіе

его назначенія и Л. Н. ревностно принялся за дѣло. Не имѣя никакой склонности къ письменному дѣлопроизводству, онъ тѣмъ не менѣе не останавливался ни передъ какими сношеніями, когда дѣло шло о томъ, чтобы отстоять правое дѣло. Извѣстенъ цѣлый рядъ дѣлъ, гдѣ онъ заставилъ помѣщиковъ исполнить справедливыя требованія бывшихъ крѣпостныхъ, и дѣла, перенесенныя въ Сенатъ, были имъ отстояны до конца. Крестьяне, видя его расположеніе къ нимъ, въ свою очередь относились къ нему съ неограниченнымъ довѣріемъ. Онъ былъ всегда строго справедливъ, но когда крестьяне требовали чего-либо противозаконнаго, онъ цѣлыми часами бесѣдовалъ съ ними, разъясняя имъ, почему не можетъ исполнить ихъ желаній. Помѣщики же были сильно возстановлены противъ Толстого и, по его собственнымъ словамъ, дѣятельность въ качествѣ мирового посредника почти всѣхъ дворянъ вооружила противъ него. Много силъ и труда потратилъ Л. Н. на неравную борьбу; наконецъ, онъ усталъ, и здоровье его пошатнулось. Послѣ того, какъ многія его рѣшенія были измѣнены, Левъ Николаевичъ счелъ невозможнымъ оставаться въ должности посредника и подалъ въ отставку.

Такъ закончилась его общественная дѣя-

тельность; но въ Крапивенскомъ уѣздѣ еще теперь крѣпко воспоминаніе о его плодотворной работѣ, и о той энергіи, съ которой онъ защищалъ права крестьянъ.

Сближаясь съ народомъ и изучая его жизнь, Толстой неизбѣжно столкнулся съ вопросомъ о народномъ образованіи и горячо принялъ его къ сердцу.

Еще до путешествія за границу онъ устроилъ въ Ясной Полянѣ школу и, занимаясь въ ней, въ то же время много читалъ по интересовавшему его вопросу.

Путешествіе за границу и знакомство съ народными школами въ Западной Европѣ возбуждали его нелюбовь къ нѣмецкой школѣ: въ ихъ воспитаніи видѣлось ему насиліе надъ восприимчивой натурой ребенка, стремленіе втиснуть его въ заранѣе приготовленныя рамки. Знакомство съ нѣмецкими учеными доказало ему, до какой степени они самоувѣренно руководятся предвзятыми идеями. Онъ рѣшилъ, что особенно у насъ, гдѣ школа только что зарождается, нужно въ основаніе ея положить полную свободу. Педагоги не должны подражать нѣмцамъ или выдумывать собственные теоріи, а изучать на опытѣ природу ребенка и давать его уму то, что наилучшимъ образомъ имъ понимается.

Въ яснополянской школѣ для крестьянскихъ дѣтей подѣ его руководствомъ занимались студенты. Свобода въ школѣ была неограниченная: дѣти ходили или не ходили въ классъ по своему усмотрѣнію. Дѣло учителя состояло въ томъ, чтобы преподаваніе сдѣлать увлекательнымъ и заманчивымъ. Въ классѣ дѣти тоже сидѣли, гдѣ хотѣли и какъ хотѣли: на скамьяхъ, подѣ скамьями, на подоконникахъ, на полу. Въ выборѣ предметовъ обученія учителя также руководились симпатіями учащихся. Казалось бы, что такой порядокъ, или лучше сказать — безпорядокъ долженъ бы пагубно отразиться на ходѣ занятій. Ничуть не бывало; талантливый руководитель умѣлъ вдохнуть въ свое созданіе живой духъ, умѣлъ повліять и на своихъ помощниковъ, и на дѣтей. Ученики сами наблюдали тишину, съ восторгомъ ходили въ школу, зная, что тамъ всегда интересно и весело, учителя же, по словамъ самого Толстого, просто были влюблены въ свою школу.

Желая познакомить русскихъ учителей со своими опытами, Л. Н. сталъ издавать журналъ «Ясная Поляна», въ немъ печатались статьи по вопросамъ народнаго образованія, отчеты о занятіяхъ въ яснополянской школѣ самого Толстого и учителей, а также выдающіяся работы

учениковъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ разсказъ «Солдатское житѣе», написанный двумя крестьянскими мальчиками Семкой и Федькой.

Въ свободные часы Т. самъ приходилъ заниматься съ дѣтьми, въ его отчетахъ сохранилось описаніе нѣкоторыхъ уроковъ; особенно живо и занимательно описанъ урокъ русской исторіи, патріотическое воодушевленіе ребятишекъ, когда авторъ «Войны и Мира» познакомилъ ихъ съ исторіей отечественной войны. Еще нѣсколько удивительныхъ страницъ въ отчетахъ представляетъ собой вечерняя прогулка Толстого съ его учениками и тѣ задушевныя бесѣды, которыя велъ онъ во мракѣ зимней, морозной ночи, когда онъ самъ разводилъ ихъ по домамъ. Къ этому же времени относятся сочиненія Толстого, написанныя для дѣтей — рассказы по ботаникѣ, зоологіи, физикѣ, басни и былины; имъ же составлены извѣстныя книжки для чтенія, въ составленіи которыхъ принимали между прочимъ участіе его близкіе.

Что касается художественной дѣятельности за эти годы, то была окончена кавказская повѣсть «Казачи», въ основаніе которой легли собственныя воспоминанія автора о пребываніи на Кавказѣ.

Герой разсказа Дмитрій Оленинъ — очень богатый и совершенно свободный человекъ.

Онъ долго велъ въ Москвѣ праздную и пустую жизнь, ничему толкомъ не учился, ничѣмъ не занимался и не увлекался, испытывая страхъ передъ трудомъ. Наскучивъ вѣчными кутежами, онъ поступаетъ на военную службу и уѣзжаетъ на Кавказъ, съ намѣреніемъ начать новую, лучшую жизнь. Несмотря на то, что его наивныя представленія о боевой жизни на Кавказѣ вовсе не оправдываются дѣйствительностью, новая жизнь плѣняетъ его. Ему приходится поселиться въ станицѣ старообрядцевъ - казаковъ, ведущихъ постоянную войну съ горцами. Величественная природа, вѣчныя снѣжныя горы, производятъ на Оленина громадное впечатлѣніе. Совмѣстная же жизнь съ простыми казаками — съ семьей хорунжаго, съ удалымъ Лукашкой, съ охотникомъ дядей Еропкой — совершенно прельщаетъ его. Рядъ новыхъ, успокоительныхъ и радостныхъ мыслей потокомъ врывается въ его душу. Всѣ эти люди «живутъ какъ живетъ природа: умираютъ, рождаются, женятся, опять рождаются, дерутся, поютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву». И люди эти казались ему такъ просты и прекрасны, что грустно становилось, глядя на себя. Размышляя о себѣ, Оленинъ приходитъ къ за-

ключенію, что жилъ до сихъ поръ эгоистомъ и все-таки не былъ счастливъ. «И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ». Счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. «Онъ такъ обрадовался, открывъ эту истину, что сталъ мечтать о любви ко всѣмъ, о самопожертвованіи — и ему представилось, что въ его духовной жизни произошелъ коренной переворотъ. Но вскорѣ всѣ прекрасныя мечты пошли прахомъ. Оленинъ влюбился въ красавицу казачку Маріанну, невѣсту перваго «урвана», т. е. храбреца въ станицѣ — Лукашки. И страсть, вспыхнувшая въ душѣ человѣка, не знающаго преграды своимъ желаніямъ, мгновенно разрушаетъ всѣ его возвышенныя намѣренія. Онъ начинаетъ ухаживать за невѣстой Лукашки, хотя очень хорошо сознаетъ, что разрушаетъ ея счастіе, такъ какъ не перестаетъ чувствовать пропасти между собой и дикой, непосредственной дѣвушкой. Несмотря на это, онъ упорно добивается своей цѣли и ему едва не удается склонить Маріанну въ свою пользу, обѣщаніемъ жениться на ней. Но во время набѣга Лукашку тяжело ранили, въ Маріаннѣ вспыхиваетъ прежнее чувство къ нему и она даетъ Оленину рѣшительный отпоръ. «Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ»! гнѣвно отталкиваетъ она его. И такой величавой и

неприступной является она въ своей печали, что Оленину ясно становится, что ему, дѣйствительно нечего ждать отъ этой женщины. Ни отъ новыхъ мыслей, ни отъ счастья, ни отъ желаній ничего не оказалось: онъ уѣзжаетъ въ полкъ такой же жалкій и шаткій, какъ прежде, и въ душѣ его остаются одни безсильныя сожалѣнія.

Утомленный своими разнообразными занятіями, Толстой въ 1862 г. сталъ чувствовать себя очень нехорошо. Онъ опасался, что и ему угрожаетъ чахотка, унесшая въ могилу двухъ его братьевъ. Поэтому, вышедши въ отставку, онъ уѣхалъ въ Самарскую губернію, въ степь—пить кумысъ.

Вскорѣ послѣ его возвращенія оттуда, въ жизни Толстого произошло событіе громадной важности—его женитьба на Софіи Андреевнѣ Берсъ.

Толстой уже давно былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей Берсъ. Докторъ Берсъ былъ блестящій московскій врачъ; жена его—рожденная Исленьева—подруга дѣтства Льва Николаевича. Женщина энергичная, образованная и свѣтская, она вела весь домъ, гдѣ собиралось самое аристократическое общество Москвы. На лѣто они переѣзжали въ свое имѣніе Покровское, а въ лѣто 1862 года

поѣхали въ имѣніе стараго Исленьева недалеко отъ Ясной Поляны. Левъ Николаевичъ и въ Москвѣ часто бывалъ у нихъ, и въ деревнѣ принималъ самое живое участіе въ жизни молодежи. Но никто не догадывался, какое глубокое чувство внушала ему вторая дочь Соня. Да и самъ Левъ Николаевичъ долго не вѣрилъ себѣ, долго боролся, ему страшно было соединить съ ней свою судьбу. Л. Н. было уже 34 г., а Софья Андреевна была еще почти дѣвочка. Судя по портретамъ того времени, Софья Андреевна была дѣвушка поразительной красоты, соединенной съ необычайной прелестью всего существа. Она получила прекрасное воспитаніе и образованіе, въ характерѣ ея сказывались художественныя склонности: она обладала талантомъ къ живописи и написала нѣсколько рассказовъ, которые своей простотой и поэзіей привели въ восторгъ влюбленнаго писателя.

Долго и одиноко мучился Толстой, но лѣтомъ 1862 года онъ, наконецъ, объяснился въ любви Софіи Андреевнѣ. Произошло это въ имѣніи Исленьевыхъ, за карточнымъ столомъ, на которомъ Л. Н. писалъ ей однѣ заглавныя буквы словъ, а она угадывала и писала отвѣтъ. Сцена эта передана въ «Аннѣ Карениной» — въ объясненіи Левина съ Китти. И если исто-

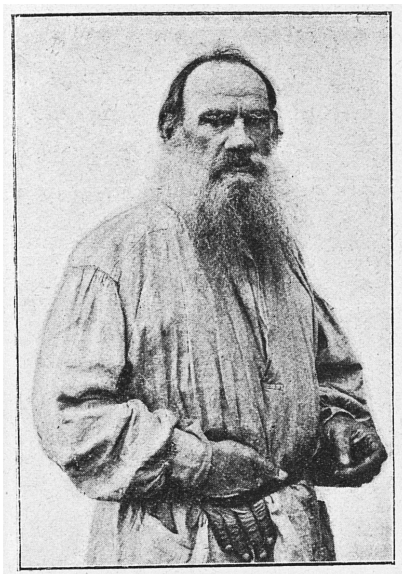
рія любви Левина и Китти поражаетъ такой необыкновенной живостью, что теряется граница между вымысломъ и дѣйствительностью, то это объясняется тѣмъ, что это радостное, трепещущее чувство счастья пережито имъ самимъ; и нѣжность автора къ милой Китти, съ «пре-  
лестными правдивыми глазами», тотъ мягкій поэтическій свѣтъ, которымъ озаренъ этотъ образъ—это восторгъ любящаго человѣка передъ живой Китти—Софьей Андреевной.

До поры до времени Л. Н. и С. А. такъ тщательно хранили свою тайну, что никто и не подозрѣвалъ, какое важное событіе произошло въ ихъ жизни; родители даже ожидали, что Л. Н. сдѣлаетъ предложеніе старшей дочери. Когда же Толстой, по пріѣздѣ въ Москву, сдѣлалъ предложеніе младшей, отецъ былъ такъ изумленъ, что сначала отказалъ. Но отчаяніе жениха и настойчивость не-  
вѣсты побѣдили его. Все это время Толстой былъ въ необычайно счастливомъ и радостномъ настроеніи духа, которое только одинъ разъ было нарушено серьезнымъ образомъ. Не желая скрывать отъ невѣсты своего прошлаго, онъ передалъ ей дневникъ, въ которомъ съ полной искренностью исповѣдывался во всѣхъ грѣхахъ и паденіяхъ своей бурной молодости: это признаніе было жесто-

кимъ нравственнымъ ударомъ для невинной и неопытной дѣвушки. Горько плакала Софія Андреевна, съ ужасомъ читая страницы, развѣнчивавшія любимаго человѣка, но сильная любовь ея къ Льву Николаевичу одержала побѣду.

Этотъ эпизодъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Л. Н. Онъ о немъ упоминалъ не разъ въ своихъ послѣднихъ повѣстяхъ. Недѣлю спустя послѣ помолвки была свадьба въ Кремлевской церкви, а затѣмъ молодые уѣхали въ Ясную Поляну.

---



## ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ.

---

Женитьба представляет собой крутой переломъ въ жизни Толстого. Существованіе его, дотолѣ безпорядочное и бурное, укладывается въ рамки счастливой семейной жизни. Навре-

Гр. Л. Н. Толстой въ 1892 году.

стихли его безпокойныя исканія, и въ любви къ женѣ и дѣтямъ ему словно открылся земной рай. Самъ Л. Н. однажды назвалъ свою жизнь «исключительно счастливой». Дѣйствительно, въ Софіи Андреевнѣ онъ нашелъ достойную подругу жизни. Она поняла и оцѣнила талантъ своего мужа, и вся жизнь ея является заботой о немъ. Она старается снять съ него всѣ житейскія заботы, охраняетъ его рабочіе часы и сама принимаетъ участіе въ его трудѣ, переписывая по *десяти* разъ произведенія мужа, подвергающіяся безконечному ряду передѣлокъ.

Впрочемъ первая крупная повѣсть, какъ мы знаемъ была имъ написана до женитьбы, еще на Кавказѣ—это «Дѣтство и Огрочество». Герой этой повѣсти Николенька Иртеньевъ самъ передаетъ свои дѣтскія воспоминанія. Особенно хорошо описано его чувство обоженія къ матери и весь ея мягко—женственный образъ. Рядомъ съ нею выплываетъ фигура няни Натальи Савишны, воспитавшей мать Николеньки, положивъ на нее всѣ силы своей любви. Попытка барышни дать ей вольную неслыханно оскорбляетъ ее: «должно быть, я вамъ чѣмъ-нибудь противна, что вы меня со двора гоните»! говоритъ она — и остается со своей питомицей и послѣ ея замужества, продолжая заботиться о ней и ея дѣтяхъ. Преждевременная смерть молодой женщины является смертельнымъ ударомъ для старушки.

Характеръ Натальи Савишны по законченности художественнаго воспроизведенія и удивительной теплотѣ чувства, его проникающаго, можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими народными типами, созданными нашей литературой.

Такимъ же свѣтлымъ чувствомъ проникнуть образъ юродиваго Гриши, молитву котораго подслушиваютъ дѣти. Они спрятались въ чуланъ съ намѣреніемъ взглянуть на его вериги, а вышли потрясенные его молитвой.

Но не только къ этимъ лицамъ съ любовью относится Николенька: въ немъ еще не развито критическое чувство. Одинаковой невинностью и свѣжестью чувства отзывается его отношеніе и къ добродушному гувернеру Карлу Ивановичу, и къ брату Володѣ, и къ сестрѣ Любочкѣ и ея подругѣ Катенькѣ, и къ отцу, недурному, но пустому, и легкомысленному человѣку, живущему лишь ради наслажденія. Въ «Дѣтствѣ» почти нѣтъ дѣйствія и всѣ эти образы, мастерски очерченные иногда лишь нѣсколькими штрихами, связаны между собой лишь отношеніемъ къ нимъ Николеньки и сгруппированы въ картинахъ семейной жизни, охоты, прогулки. Великолепно описанъ отѣздъ въ Москву мальчиковъ, — гдѣ они сразу попадаютъ въ другой міръ — въ чопорномъ домѣ своей бабушки. Тутъ описывается сближеніе Николеньки со сверстниками и его восторженное чувство къ одному изъ нихъ. Последнія страницы «Дѣтства» посвящены неожиданной смерти матери: тяжелые вопросы о смерти и вѣчной разлукѣ впервые встаютъ въ жизни ребенка и полагаютъ начало другой поры — «Отрочеству».

Иртеневъ самъ опредѣляетъ переходъ отъ дѣтства къ отрочеству измѣненіемъ взгляда ребенка на окружающій міръ. Для него исход-

ной точкой этой переменны послужилъ разговоръ, съ его пріемной сестрой Катенькой, заставившій его задуматься надъ ея судьбой. «Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, т.-е. наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь людей, ничего не имѣющихъ общаго съ нами, не заботящихся о насъ и даже не имѣющихъ понятій о нашемъ существованіи. Безъ сомнѣнія, я и прежде зналъ все это: но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ». А теперь Николенька и созналъ, и почувствовалъ и сталъ наблюдать.

Это—то сознательное, болѣе холодное и разсудочное отношеніе къ дѣйствительности составляетъ главное отличіе дѣтства отъ отрочества. Тамъ чувства—здѣсь мысли, тамъ впечатлѣнія — здѣсь сужденія. Хотя онъ по-прежнему любитъ отца, но невольно жестокиа, мучительныя мысли приходятъ ему на умъ, когда онъ начинаетъ наблюдать жизнь этого отца. Ухаживаніе старшаго брата Володи, красотѣ и характеру котораго онъ поневолѣ завидовалъ, за красавицей горничной впервые наводитъ его на размышленія объ отношеніяхъ къ женщинѣ. Онъ тайно влюбляется въ Машу,

цѣлыми часами наблюдаетъ жизнь въ дѣвичьей и искренно сочувствуетъ горю этой Маши, когда ей не позволяютъ выйти замужъ за лакея. Мысль о самопожертвованіи приходитъ ему въ голову, въ концѣ концовъ онъ проситъ отца за влюбленныхъ и такимъ образомъ устраиваетъ ихъ счастье.

Сравнивая себя съ Володей, онъ видитъ какъ легко тому все дается — ученье, и свѣтскіе успѣхи — и еще больше мучится своей некрасивостью и неловкостью, еще болѣе уходитъ въ себя и предается самымъ разнообразнымъ размышленіямъ и мечтамъ. Размышленія его надъ вопросами жизни принимаютъ часто самыя странныя формы: «Разъ мнѣ пришла мысль, что счастье не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ, и, чтобы приучить себя къ труду, я, несмотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконъ Та-тищева, или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ такъ больно, что слезы невольно выступали на глазахъ. Другой разъ, вспомнивъ вдругъ, что смерть ожидаетъ меня каждый часъ, каждую минуту, я рѣшилъ, что человѣкъ не можетъ быть иначе счастливъ,

какъ пользуясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ—и я на три дня, подъ вліяніемъ этой мысли, бросилъ уроки и занимался только тѣмъ, что лежа на постели, наслаждался чтеніемъ какого-нибудь романа и ѣдой пряниковъ съ кротовскимъ медомъ, который я покупалъ на послѣднія деньги»...

Наконецъ, нашелся человѣкъ, который не только близко сошелся съ Николенькой Иртеньевымъ, но приобрѣлъ на него большое и благотворное вліяніе. Это былъ Дмитрій Нехлюдовъ, одинъ изъ товарищей Володи. «Подъ вліяніемъ Нехлюдова я невольно усвоилъ и его направленіе, сущность котораго составляло восторженное обожаніе добродѣтели и убѣжденіе въ назначеніи человѣка постоянно совершенствоваться».

Какъ они вмѣстѣ стремились къ этому идеалу, рассказано уже въ третьей части повѣсти — «Юность». Эта часть появилась въ печати нѣсколькими годами позже.

Дружба съ Дмитріемъ Нехлюдовымъ открыла Николенькѣ цѣлый рядъ новыхъ мыслей и чувствъ, но жизнь его долго еще шла въ разрѣзъ съ идеалами. Поступивъ въ университетъ, онъ становится вполне самостоятельнымъ и начинаетъ вести ту-же свѣтскую жизнь, какъ братъ Володя. Характерной лич-

ной чертой Николенки является постоянное помышление о томъ, что думаютъ о немъ другіе, какое впечатлѣніе онъ производитъ на окружающихъ, и вслѣдствіе этого, большая доля неестественности, притворства и даже лжи. Это свойство какъ то странно уживается въ немъ рядомъ съ самыми искренними душевными порывами. Ложное самомнѣніе и въ университетѣ доставляетъ ему много непріятнаго и мѣшаетъ сближенію съ товарищами. Только случайно знакомится онъ съ компаніей очень бѣдныхъ, но способныхъ и энергичныхъ студентовъ, и тутъ съ удивленіемъ узнаетъ, насколько они превосходятъ и умомъ и образованіемъ его и его аристократическій кружокъ.

Дружба съ Нехлюдовымъ не даетъ ему, однако опуститься и поддерживаетъ его стремленіе къ самосовершенствованію, воздержаности, простотѣ и добродѣтели. Но пока мечты эти неразлучны въ душѣ юноши съ смутнымъ ожиданіемъ славы и счастья. На этомъ обрывается описаніе жизни Николенки.

Первымъ крупнымъ произведеніемъ, написаннымъ послѣ женитьбы Л. Н. Толстого на Софьѣ Андреевнѣ, было — «Война и Миръ». Нельзя умолчать, что ей одной русская литература обязана появленіемъ въ свѣтъ этого замѣчательнаго романа. Левъ Ник., работая надъ нимъ

какъ надѣ вступленіемъ къ задуманному большому произведенію «Декабристы», не придавалъ своему труду большого значенія. И вотъ во время тяжелой болѣзни графини Софіи Андреевны цѣнные листы оказались заброшенными въ кладовую, а оттуда чуть не попали въ канаву. Только по выздоровленіи ей удалось спасти великое произведеніе и возстановить его въ настоящемъ видѣ.

«Война и Миръ» самое большое произведеніе Толстого. Среди другихъ русскихъ романовъ, оно выдѣляется и объемомъ и содержаніемъ. Передъ читателемъ развертывается словно огромное полотно, на которомъ изображена русская жизнь за цѣлое царствованіе Александра I.

Война, государственныя преобразованія, дипломатическія сношенія, военный бытъ и семейная жизнь, придворные круги, представители высшей аристократіи, выдающіеся полководцы и простые солдаты—все помѣстилось на картинѣ, необычайная художественность и величіе которой вполнѣ соотвѣтствуютъ ея размѢрамъ. Сотни лицъ проходятъ передъ духовнымъ взоромъ читателя, и всѣ они—отъ государя до солдата, какъ живые, и всѣ возбуждаюгъ интересъ и сочувствіе. «Война и Миръ» навсегда останется лучшимъ памятникомъ борьбы въ 1812 году, изъ которой такъ побѣдоносно вышелъ русскій народъ.

Ходъ военныхъ дѣйствій описанъ настолько подробно, что самъ по себѣ могъ бы составить отдѣльное историческое произведеніе. Точное, художественное изображеніе событій прерывается отдѣльными главами, гдѣ авторъ высказываетъ свой взглядъ, доказывая, что великія событія складываются не по волѣ и не подѣ руководствомъ отдѣльныхъ лицъ: они образуются въ силу совпаденія безчисленнаго количества волей мелкихъ, обыкновенныхъ людей. Въ романѣ Толстого Наполеонъ не является великимъ человѣкомъ. Знаменитый полководецъ, по мнѣнію Толстого, лишь воображалъ, что повелѣваетъ событіями: на самомъ же дѣлѣ—онъ игрушка въ рукахъ судьбы. По мнѣнію Толстого даже названіе «геніальнымъ» полководца не имѣетъ смысла: исходъ сраженія опредѣляется духомъ войска и цѣлымъ рядомъ иногда мелкихъ случайностей, предусмотрѣть которыя нѣтъ никакой возможности. Картины Аустерлицкаго и Бородинскаго сраженій, описанныя имъ, подтверждаютъ этотъ взглядъ. Наполеонъ, побѣдиль русскихъ, когда они, сами не зная для чего, шли на помощь нѣмцамъ. — Этотъ же Наполеонъ въ изумленіи остановился передъ ними, когда они, въ сознаніи торжественности минуты, грудью стали на защиту родной земли. И какимъ

мелкимъ и жалкимъ оказывается Наполеонъ передъ героическимъ порывомъ народнаго духа.

Наполеону Толстой противопоставляетъ Кутузова, къ которому относится съ величайшей симпатіей. Вотъ что говоритъ онъ о немъ устами своего героя князя Болконскаго: «У него не будетъ ничего своего. Онъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ, но все выслушаетъ, все запомнитъ, все поставитъ на свое мѣсто, ничему полезному не помѣшаетъ и ничего вреднаго не позволитъ. Онъ понимаетъ, что есть что-то сильнѣе и значительнѣе его воли, — это неизбѣжный ходъ событій, и онъ умѣетъ видѣть ихъ, умѣетъ понимать ихъ значеніе, и въ виду этого значенія умѣетъ отрекаться отъ участія въ этихъ событіяхъ, отъ своей личной воли, направленной на другое». Въ тяжелую годину Кутузовъ является избранникомъ народнымъ, кому довѣрены судьбы Россіи, не по волѣ отдѣльныхъ лицъ, даже не по волѣ государя, а по волѣ всего народа русскаго, взгляды котораго онъ выражаетъ: въ этомъ его значеніе, его сила и его величіе.

Эти идеи Толстого выражаетъ въ романѣ «Война и Миръ» князь Андрей Николаевичъ Болконскій, который на опытъ доходитъ до тѣхъ взглядовъ, которые исповѣдуетъ авторъ.

Онъ скучаетъ въ придворномъ мірѣ, гдѣ не находитъ пищи своимъ способностямъ. Блестящее, всестороннее образованіе, большой умъ и жажда истиннаго дѣла выдѣляетъ его среди всеобщихъ тщеславія и пустоты. Онъ не скрываетъ своего презрѣнія къ окружающимъ и томится одиночествомъ; въ семейной жизни онъ тоже несчастливъ: жена его, очень еще молодая и красивая, но пустенькая женщина, совсѣмъ ему не пара; а единственный другъ Пьеръ Безухій, хотя благоговѣетъ передъ нимъ, но слишкомъ молодъ, чтобы вполнѣ понять его.

Когда въ 1805 г. начинается война съ Наполеономъ, Кутузовъ, цѣня способности и знанія молодого Болконскаго приглашаетъ его къ себѣ адъютантомъ. Князь Андрей радъ вырваться изъ ненавистой обстановки и отправляется въ походъ. Его мучать однако сомнѣнія: съ одной стороны—Наполеонъ его герой, и онъ не допускаетъ для него возможности позора. Съ другой стороны, жажда славы, дремавшая въ его сильной душѣ, достигаетъ своего наивысшаго развитія.

Передъ сраженіемъ онъ невольно мечтаетъ о томъ, какъ онъ спасетъ русскую армію отъ пораженія, къ которому неминуемо ведутъ ее нѣмецкіе генералы со своими планами и нелѣпыми теоріями. Дѣйствительно, хотя онъ

и не спасаетъ русской арміи, но останавливаетъ цѣлый полкъ, обратившійся въ бѣгство и, увлекаемая его за собой, съ знаменемъ въ рукахъ. тяжело раненый, падаетъ на землю.

«Надъ нимъ не было ничего уже кромѣ неба, высокаго неба, неяснаго, но все-таки неизмѣримо высокаго, съ такъ ползущими по немъ сѣрыми облаками. Какъ тихо, спокойно и торжественно, совсѣмъ не такъ, какъ мы бѣжали, кричали и дрались... совсѣмъ не такъ ползуть облака по этому высокому безконечному небу. Какъ же я не видалъ прежде этого высокаго неба? И какъ я счастливъ, что узналъ его наконецъ. Да, все пустое, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ него. Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успокоенія. И слава Богу!» Вотъ какими новыми чувствами была полна его душа, когда надъ нимъ раздался голосъ его бывшего героя—Наполеона: «Вотъ прекрасная смерть!» Но слова эти не произвели на него никакого впечатлѣнія, а когда въ госпиталѣ императоръ узналъ его и вновь обратился къ нему — онъ не могъ отвѣчать ему, «такъ мелочень казался ему самъ герой его, съ этимъ мелкимъ тщеславіемъ и радостью побѣды, въ сравненіи съ тѣмъ высокимъ, справедливымъ и добрымъ небомъ, которое онъ видѣлъ и понималъ».

Послѣ, долгой и тяжелой болѣзни князь Андрей, долго пропадавшій безъ вѣсти, неожиданно является домой, въ имѣніе отца. Здѣсь постигаетъ его тяжкій ударъ — смерть жены. Онъ запирается въ своемъ помѣстьи и проводитъ тамъ два года, считая жизнь свою оконченной. Только изрѣдка посѣщаетъ онъ стараго отца, сестру и своего сына; и въ отношеніи къ нимъ сказывается его чуткость и нѣжность, обыкновенно скрываемая подъ гордой, сухой внѣшностью. Онъ съ уваженіемъ относится къ старому, своенравному князю, но просто и спокойно высказываетъ осужденіе его причудамъ; а старикъ, обыкновенно не терпящій никакихъ противорѣчій, подчиняется вліянію сына. Съ сестрой, княжной Марьей, кн. Андрей хотя и не сходится во взглядахъ, но съ полной терпимостью относится къ ея религіознымъ мечтаніямъ, только изрѣдка добродушно подтрунивая надъ ней.

Въ то же время онъ занялся устройствомъ своихъ имѣній, онъ часть крестьянъ перечислил въ вольные хлѣбопашцы, остальныхъ перевелъ на оброкъ; построилъ для нихъ школу, заботился о врачебной помощи по деревнямъ. Но молодость взяла свое и въ душѣ князя Андрея вновь проснулся порывъ къ широкой дѣятельности: Очъ зѣхнется съ Натшпей

Ростовой и зарождающаяся любовь къ ней тысячей новыхъ, молодыхъ чувствъ и мыслей врывается въ его душу. «Нѣтъ, жизнь не кончена въ 31 годъ»... «Надо чтобы всѣ знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь»!

Кн Андрей ѣдетъ въ Петербургъ и скоро сходитсѣ тамъ съ замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ этого времени Сперанскимъ, задумывающимъ цѣлый рядъ важныхъ преобразованій.

Сперанскій оцѣнилъ умъ и обширное образованіе Болконскаго и дѣлаетъ его однимъ изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Князь Андрей оказывается во главѣ военной коммисіи и, кромѣ того, ему поручена важная работа по составленію законовъ на основаніи иностранныхъ законодательствъ. Но съ первыхъ же шаговъ онъ сталкивается съ непреодолимою тупостью сотрудниковъ, сводящихъ все живое къ мертвой буквѣ. Въ возможности же примѣненія римскаго права и французскихъ законовъ къ русской жизни онъ очень быстро усомнился. Проработавъ нѣкоторое время, онъ убѣдился въ своемъ безсиліи сдѣлать что-либо. «Изъ чего я бьюсь, изъ чего хлопочу въ этой узкой, замкнутой рамкѣ, когда жизнь, вся жизнь со всѣми ея радостями открыта мнѣ?» Однако, по волѣ отца, свадьба съ Наташей оказы-

вается отложенной на цѣлый годъ, и кн. Андрей уѣзжаетъ лѣчиться за границу.

Но годъ показался слишкомъ длиннымъ жизнерадостной Наташѣ, необузданно жаждущей счастья и впечатлѣній жизни. Красивая, возбуждающая всеобщее восхищеніе, молодая и увлекающаяся, невѣста кн. Андрея поддаетъ вліянію безнравственной красавицы Елены, жены Пьера Безухова, а та искусно сводить ее со своимъ братомъ Анатолемъ Курагинымъ, человѣкомъ блестящимъ, красивымъ, но неумнымъ и думающимъ только о наслажденіяхъ. Наташа до того увлекается, что рѣшается бѣжать съ нимъ. Побѣгъ не удается, а затѣмъ оказывается, что Анатоль обманулъ ее: онъ не могъ на ней жениться, такъ какъ уже былъ женатъ. Наташа, мучимая отчаяніемъ, стыдомъ и безплоднымъ раскаяніемъ тяжело заболѣваетъ и долго не можетъ оправиться и пережить нравственное потрясеніе.

Для князя Андрея измѣна невѣсты является страшнымъ ударомъ, и онъ ищетъ встрѣчи съ Курагинымъ, чтобы вызвать его на дуэль и убить. Замокнувшись въ себя и не выказывая своего горя, онъ старается удаляться отъ всѣхъ, кто зналъ его во дни его счастья. Въ это время начинается отечественная война и кн. Андрей возвращается въ армію. Онъ и здѣсь сторо-

нится своихъ штабныхъ товарищей и, получивъ командованіе полкомъ, отдается заботамъ о своихъ подчиненныхъ. На предложеніе Кутузова поступить опять въ адъютанты, онъ отвѣчаетъ отказомъ: ему жаль оставить полкъ, гдѣ его полюбили. «Иди съ Богомъ своей дорогой. Я знаю, твоя дорога—это дорога чести» отвѣчаетъ ему старикъ Кутузовъ.

Наканунѣ Бородинскаго сраженія, проникнутый всеобщимъ сознаніемъ торжественности минуты и ожиданіемъ близкой смерти, онъ отдается воспоминаніямъ личной жизни и тоскѣ по Наташѣ.

На слѣдующій день полкъ его во время сраженія стоитъ въ резервѣ: залетѣвшее ядро попадаетъ въ его среду и тяжело ранитъ князя Андрея, который не хотѣлъ прилечь на землю, пока оно летѣло. Его почти безъ сознанія приносятъ на перевязочный пунктъ и онъ съ мужествомъ, переноситъ ужаснѣйшія мученія операціи. Здѣсь его ожидаетъ глубокое душевное потрясеніе. Недалеко отъ себя онъ узнаетъ въ отчаянно кричащемъ и плачущемъ человѣкѣ, которому только что отняли ногу — Анатоля Курагина. «Онъ вспомнилъ Наташу, вспомнилъ ту связь, которая существовала между нимъ и этимъ человѣкомъ, сквозь слезы, напоявшіе распухшіе глаза. мутно смотрѣв-

шимъ на него. Князь Андрей вспомнилъ все, и восторженная жалость и любовь къ этому человѣку наполнили его счастливое сердце... Кн. Андрей не могъ удерживаться болѣе и заплакалъ нѣжными, любовными слезами надъ людьми, надъ собой и надъ ихъ и своими заблужденіями».

Мысли примиренія и всепрощенія шевелятся въ немъ все время, пока его везутъ въ обозѣ раненыхъ и даже, лежа въ избѣ, въ полузабытіи онъ продолжаетъ думать о томъ же. «Любя человѣческою любовью, можно отъ любви перейти къ ненависти; но божеская любовь не можетъ измѣниться. Ничто, ни смерть, ничто не можетъ разрушить ее. Она есть сущность души. А какъ много людей я ненавидѣлъ въ своей жизни. Изъ всѣхъ людей никого больше не любилъ я и не навидѣлъ, какъ ее», вспоминаетъ онъ о Наташѣ, и ему съ внезапною ясностью представляются ея стыдъ и страданія.

И въ это самое время, глухой ночью, среди бреда и боли, является къ нему его Наташа и на колѣняхъ проситъ простить ее... «Я люблю тебя больше, лучше чѣмъ прежде», отвѣчаетъ онъ ей.

Описаніе того, какъ Наташа, бѣжавшая съ родными изъ Москвы, узнала о близости

кн. Андрея и вся сцена примиренія не имѣютъ себѣ подобныхъ во всей русской литературѣ, такъ-же какъ и страницы, посвященныя смерти Болконскаго и проникнуты тихимъ торжественнымъ чувствомъ передъ величайшей тайной въ мірѣ.

Умираетъ кн. Андрей безъ страха, со спокойствіемъ человѣка почти ясновидящаго, познавшаго истину. И Наташа, съ любовью до конца ходившая за нимъ, не даромъ говоритъ: «Онъ слишкомъ хорошъ, онъ не можетъ, не можетъ жить»...

Со смертью князя Андрея не кончается романъ. Послѣдняя часть посвящена судьбѣ другихъ героевъ о которыхъ Толстой говорилъ уже въ началѣ, изъ которыхъ главнымъ является Пьеръ Безухій

Незаконный сынъ когда то могущественнаго вельможи, онъ воспитывался за границей и до 20 лѣтъ не зналъ Россіи. Оторванный отъ родины, получивъ по смерти отца въ распоряженіе громадное состояніе, онъ не знаетъ, на что примѣнить свои силы.

Добрый, простой, слабохарактерный, склонный къ мечтательному философствованію, онъ совершенно беспомощенъ въ жизни. Сначала онъ попадаетъ въ руки своего родственника, кн. Курагина, который старается воспользо-

ваться имъ и женить на своей дочери Еленѣ, но вскорѣ ея легкомысленная жизнь приводитъ къ разрыву между супругами. Въ поискахъ истины онъ попадаетъ въ масонское \*) общество, но и масонство его не удовлетворяетъ, не давъ ему надлежащей нравственной опоры. Всѣ его человѣколюбивыя начинанія въ имѣніяхъ кончаются ничѣмъ, и онъ понемногу предается праздному времяпровожденію богатаго и скучающаго барина.

Его нравственное возрожденіе также совпадаетъ съ войной и является слѣдствіемъ его сближенія съ солдатомъ Платономъ Каратаевымъ, съ которымъ они вмѣстѣ живутъ въ плѣну у французовъ. Онъ является для Пьера «вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды и покорности судьбѣ». Онъ учитъ его сознавать, что онъ имѣетъ значеніе лишь въ связи съ другими людьми, со всѣмъ міромъ, къ которымъ Каратаевъ относится мягко и любовно. Познакомившись въ лицѣ Платона Каратаева съ русскимъ народомъ, Пьеръ обрѣтаетъ подъ собой твердую почву, и жизнь его съ этихъ поръ пріобрѣтаетъ опредѣленный смыслъ и цѣль.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ героевъ, Толстой выводитъ цѣлый рядъ другихъ лицъ: дѣй-

---

\*) Масоны—люди, составлявшіе тайное общество, занимавшееся самоусовершенствованіемъ, стремившееся разгадать всѣ тайны жизни.

ствіе романа сосредоточивается главнымъ образомъ въ семействахъ Болконскихъ и Ростовыхъ, причемъ въ послѣднемъ легко узнать отца и родню самого Толстого, а въ княжнѣ Болконской его идеальную мать. Общее впечатлѣніе произведенія необычайно цѣльное и гармоничное: особенно способствуетъ единству возвышенная идея, одухотворяющая это величайшее созданіе Толстого. «Нѣтъ истиннаго величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды».

Слѣдующее большое произведеніе Толстого «Анна Каренина» и по объему и по содержанію уступаетъ «Войнѣ и Миру». Это романъ изъ болѣе близкаго намъ времени, т. е. изъ 70-тыхъ годовъ. Героиня—Анна Каренина — жена важнаго петербургскаго сановника, молодая и красивая женщина, очень рано выданная замужъ за человѣка гораздо старше ея, сухого и чисто-дѣловаго, увлекается молодымъ офицеромъ — Вронскимъ. Вронскій не отличается никакими выдающимися качествами, но онъ не глупъ, очень прямъ и честенъ. Вообще же этотъ человѣкъ воплощаетъ всѣ достоинства и всѣ недостатки того общества, къ которому принадлежитъ. Сначала мужъ не соглашается на разводъ. Но опасная болѣзнь Анны такъ потрясаетъ его и наполняетъ его душу такой безконечной любовью и всепрощеніемъ, что

онъ рѣшается дать ей свободу. Сцена у постели умирающей Анны представляет собой одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ романа, гдѣ талантъ Толстого разворачивается во всей силѣ и возвышенной красотѣ: это описаніе одной изъ тѣхъ минутъ, когда душа человѣка отрѣшается отъ всего временнаго, условнаго, и является въ своей истинной цѣнности. Но Анна выздоравливаетъ и уѣзжаетъ съ Вронскимъ и ихъ дочерью за границу, а оттуда въ имѣніе. Жизнь ея сначала складывается какъ будто счастливо; но мало-по-малу сила прошедшаго даетъ себя знать. Разлука съ нѣжно-любимымъ сыномъ, котораго она бросила, наполняетъ тоской ея сердце; а отношенія къ Вронскому она сама обостряетъ, преслѣдуя его ревностью и требуя, чтобы онъ ради нея отказался отъ всѣхъ прежнихъ отношеній. Трагедія все осложняется и кончается тѣмъ, что несчастная женщина, измученная своимъ безысходнымъ положеніемъ, бросается подъ поѣздъ.

Какъ бы въ противовѣсъ этой жизни, полной страстей и борьбы, Толстой выставляетъ чету молодыхъ и счастливыхъ людей — Константина Левина и его жену Китти. Исторія ихъ любви и семейнаго счастья представляет собой поэтическое воспроизведеніе того, что переживалъ за эти годы самъ Толстой.

Левинъ — помѣщикъ, живущій въ деревнѣ, въ тѣсномъ общеніи съ народомъ. Онъ ведетъ свое хозяйство, самъ и все время считается съ интересами крестьянъ, а разница въ ихъ общественномъ положеніи составляетъ для него предметъ тяжелыхъ думъ и нравственныхъ страданій. Чувствуя себя виноватымъ передъ народомъ, онъ старается упростить свою жизнь, самъ выходитъ на работу.

Черезъ общеніе съ народомъ Левинъ, до тѣхъ поръ невѣрующій и мучившійся своимъ безвѣріемъ, обрѣтаетъ вѣру въ Бога; исканіе Бога—его самая сильная и постоянная черта: она не исчезаетъ, не смотря на личное счастье, и проходитъ черезъ весь романъ и только на послѣднихъ страницахъ смѣняется радостнымъ чувствомъ найденной правды, вдругъ ясно всплывшей изъ цѣлаго вихря мыслей, вызванныхъ словами мужика, что правдивый человекъ «для души живетъ, Бога помнитъ».

Такъ кончились поиски правды для Левина; для Толстого же долго еще длились годы душевной борьбы и исканіе Бога.

Онъ тоже удалился въ деревню и, отдавъ все имущество женѣ и дѣтямъ, сталъ вести самую скромную и простую жизнь, самъ занимаясь физическимъ трудомъ. Во всѣхъ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ онъ является

уже не столько художникомъ, сколько учителемъ: любовь къ ближнимъ, самопожертвованіе, непротивленіе злу насиліемъ, служеніе народу—и, главнымъ образомъ, нравственное самосовершенствованіе—вотъ содержаніе его ученія.

Всѣ, знающіе Льва Николаевича лично, говорятъ о его постоянномъ стремленіи провести въ жизнь свои убѣжденія, а одинъ крупный примѣръ извѣстенъ всему русскому обществу. Во время страшнаго голода, охватившаго значительную часть Россіи въ 1892 г., Толстой лично взялся за дѣло помощи голодающимъ. Не жалѣя ни силъ, ни здоровья, онъ самъ устраивалъ столовые, разъѣзжалъ по селамъ и наблюдалъ за ними, руководилъ молодежью, взявшейся за это дѣло, писалъ статьи. Громадный авторитетъ его не могъ не сказаться: не только со всѣхъ концовъ Россіи, но даже изъ Америки присылали ему деньги; такъ вѣрили всѣ, что народное дѣло въ вѣрныхъ рукахъ.

Лучше всего выражены послѣдніе взгляды Толстого въ его романѣ «Воскресеніе», появившемся въ 1899 г.

Это разсказъ о духовномъ воскресеніи человека, погрязшаго въ пошлости жизни. Герой романа, князь Дмитрій Нехлюдовъ, на судѣ гдѣ онъ присутствуетъ въ качествѣ присяжнаго,

сталкивается съ дѣвушкой, которую когда-то, почти мальчикомъ, любилъ. Животные инстинкты взяли тогда въ немъ верхъ, и онъ, бросивъ ее, совершенно загубилъ ея жизнь.

Встрѣча съ Катюшей неожиданно яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ для него самого его некрасивую роль, и страстное раскаяніе его переходитъ въ твердое намѣреніе загладить, насколько возможно, свою вину передъ ней. Катюша невинно приговорена къ ссылкѣ въ Сибирь. Нехлюдовъ пытается ее спасти и, послѣ неудачной попытки, слѣдуетъ за ней, рѣшивъ не оставлять ее и даже жениться на ней. Черезъ Катюшу онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ цѣлымъ новымъ для него міромъ каторжныхъ и политическихъ преступниковъ, жизнь которыхъ онъ старается по мѣрѣ возможности облегчить. Такъ, въ дѣлѣ любви и любовнаго общенія съ міромъ отверженныхъ, онъ находитъ возрожденіе, воскресеніе къ новой, лучшей жизни.

«Воскресеніе» — послѣдній крупный вкладъ Льва Николаевича Толстого въ русскую литературу. Въ настоящее время великій писатель живетъ на покой въ Ясной Полянѣ. Слава его, какъ величайшаго современнаго художника и мыслителя перелетѣла далеко за предѣлы Россіи. Со всѣхъ концовъ блага свѣта каждый

почти день приходятъ къ нему письма и пріѣзжаютъ люди, ищущіе правды.

Послѣдніе годы Толстой сторонился общественной жизни, не сочувствуя многимъ ея проявленіямъ и только изрѣдка, короткими статьями, отзывался на текущія событія.

